

Без полномочий, ресурсов и целей: роль региональной власти Дальнего Востока в продвижении экономического сотрудничества с Китаем¹

Сергей Александрович Иванов,

кандидат исторических наук, заведующий Отделом китайских исследований Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: 02isa02@mail.ru

В статье на основе анализа законодательной базы, официальных региональных концепций развития и материалов прессы выявляется роль региональных властей Дальнего Востока России в активизации и регулировании экономического сотрудничества с Китаем. Мировой финансовый кризис привёл к сокращению централизованного финансирования субъектов Российской Федерации, а следовательно — к дефициту ресурсов в них. На Дальнем Востоке внешнеэкономические связи могли бы стать достойной компенсацией, но в регионе почти нет местного крупного бизнеса или конкурентоспособных отраслей (кроме сырьевого сектора). Поэтому только региональные власти могли бы серьёзно влиять на развитие международных связей.

В статье рассматриваются полномочия правительств субъектов Российской Федерации во внешнеэкономической сфере и каналы их сотрудничества с Китаем. Сделан вывод, что в настоящее время у региональных администраций нет возможности стать влиятельным игроком в экономической интеграции российского Дальнего Востока с Китаем. Использовать их немногочисленные полномочия, которые могли бы активизировать внешнеэкономический сектор региона, в условиях дефицитных бюджетов нерационально. Помимо финансовых ресурсов, у региональных властей отсутствует чёткая и последовательная позиция по вопросам сотрудничества с Китаем. Стратегии развития и другие официальные документы субъектов Федерации не предлагают конкретных механизмов использования двусторонних связей на благо региона. Существующая система политико-административных связей Дальнего Востока с КНР развивается инерционно и не способна дать большой экономический эффект.

Ключевые слова: Китай, административные связи, Дальний Восток, региональная власть, российско-китайское сотрудничество.

¹ Разделы статьи «Полномочия местных властей в управлении внешнеэкономической деятельностью» и «Взгляды местных администраций Дальнего Востока на развитие сотрудничества с КНР» подготовлены при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00161). Раздел статьи «Каналы политико-административных связей» выполнен в рамках государственного задания ИИАЭ ДВО РАН по теме «Россия в планах и политике стран АТР в начале XXI века».

Without authority, resources and aims: how do regional authorities of the Russian Far East promote economic cooperation with China.

Ivanov Sergei, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: 02isa02@mail.ru.

The article analyzes the potential of regional authorities of the Russian Far East to promote economic cooperation with China. Since the world financial crisis, subordinate entities of the Russian Federation have been experiencing a severe shortage of resources due to the diminishing centralized subsidies. Foreign economic ties could have compensated the shortage. But the Russian Far East lacks large business and competitive industries (besides natural resources ones), so regional authorities are the only possible leading force to promote foreign cooperation. The paper investigates the competences of the local governments, their attitude towards China, their partners and channels of cooperation. The research is based on the study of legislative framework, official regional development programs and mass media materials.

The main conclusion of the paper is that regional authorities have few opportunities to play significant role in the process of economic integration of the Russian Far East and China. They dispose a limited set of competences which can be used to promote foreign economic cooperation, but budget deficit make their implementation irrational. The lack of resources is accompanied by the lack of clear and consistent policy in cooperation with China. Current regional development strategies and other local documents do not propose specific mechanism to transmit cooperation with China into the development of local economy. The existing system of political and administrative contacts with Chinese provinces is inertia driven and cannot lead to big economic effects.

Keywords: China, administrative ties, Far East, regional authorities, Sino-Russian cooperation.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2016 г. российское правительство в очередной раз сообщило о сокращении бюджета программы развития Дальнего Востока сразу на 40%. Центральная власть считает, что это не отразится на главных задачах современной региональной политики: увеличении экспорта продукции с добавленной стоимостью, привлечении инвестиций и развитии малого и среднего бизнеса. В последние годы Москва пытается компенсировать сокращение своих финансовых вливаний в регион введением таких преференциальных режимов, как Свободный порт Владивосток, территории опережающего развития, система предоставления бесплатных гектаров. По замыслу центрального правительства, это должно привлечь частные и иностранные инвестиции.

Одним из возможных источников финансовых ресурсов для ускоренного развития Дальнего Востока российские власти и эксперты рассматривают Китай. Ещё в середине 2000-х гг. китайские власти обещали

вложить в РФ не менее 12 млрд долл. США к 2020 г. [25]. В последнее десятилетие благодаря диалогу государств на высшем уровне сдвинулись с мёртвой точки или уже реализовались крупные инфраструктурные проекты (ВСТО, увеличение поставок электроэнергии, газопровод «Сила Сибири», газопровод «Сахалин — Хабаровск — Владивосток» с возможностью экспорта в КНР). Они важны для России в целом, но фактически мало связаны с экономикой Дальнего Востока, т.к. затрагивают лишь транспортную составляющую региона. При этом малые и средние проекты Москве не интересны.

В таком случае кто на Дальнем Востоке должен заниматься привлечением китайских инвестиций и развитием экспорта в КНР, если центральное финансирование нестабильно, а крупный бизнес и отрасли с конкурентоспособной продукцией отсутствуют? Ответ почти очевиден: региональная и местная власти. Возникают следующие вопросы: какими полномочиями реально наделена местная власть во внешнеэкономической сфере, каковы её взгляды на развитие сотрудничества с Китаем и какие для этого существуют каналы? Попытаемся на них ответить.

ПОЛНОМОЧИЯ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ В УПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В 1990-е гг. слабый центр наделял российские местные власти значительными полномочиями для ведения международной деятельности. Конституция 1993 г. международное сотрудничество и внешнеэкономические связи отнесла к сфере совместных полномочий центрального и региональных правительств, однако чёткого разделения обязанностей не было. Региональная власть, вместо того чтобы работать с иностранными инвесторами и развивать внешнюю торговлю, часто путём протекционизма стремилась сохранить сложившийся в регионе бизнес [8, с. 76], который, с одной стороны, обеспечивал социальную стабильность, а с другой — укреплял экономические позиции региональной элиты. В граничащих с Китаем регионах власти использовали проблемы в отношениях двух государств для привлечения электората, критикуя Москву за «дружбу» с Пекином в ущерб национальным или дальневосточным интересам. Экономический ресурс границы в лучшем случае «проедался», что было связано со структурными проблемами экономики макрорегиона [24, с. 160—161].

С приходом В. Путина в правительство и затем в Кремль началась централизация. Отмена региональных выборов и укрепление вертикали власти снизили желание местной элиты использовать проблемы политического диалога России со странами Северной Пацифики в популистских целях. Даже такие «тяжеловесы», как В.И. Ишаев, который ещё в начале 2000-х гг. критиковал решения Москвы, касающиеся российско-китайского сотрудничества [7, с. 263—265], в дальнейшем себе такого не позволял. Ситуация не изменилась и после того, как в 2012 г. вернули прямые выборы глав

субъектов РФ, т.к. политический контроль центра над регионами сохранился. По крайней мере, ещё ни один губернатор Тихоокеанской России (как и других частей страны) открыто не высказался против действий президента или правительства в сфере международных отношений.

Централизация власти в РФ неизбежно затронула всю региональную систему связей с иностранными партнёрами. В 1999 г. был принят закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», который юридически исключил возможность регионов проводить самостоятельную внешнеэкономическую политику и фактически перераспределил полномочия в этой сфере в пользу центра. Закон разрешил местным властям устанавливать все виды международных связей (кроме военно-политических), но заключать официальные соглашения можно только при одобрении центра. Вместе с тем партнёрами субъекта РФ считаются только субъекты и административно-территориальные образования других федеративных государств (прочие органы власти — только с согласия центра) [29]. С зарубежными корпоративными структурами и физическими лицами соглашения заключаться не могут.

В настоящее время власти субъектов Федерации могут предложить иностранным партнёрам, а именно Китаю, следующее: сокращение региональных налогов для инвесторов, предоставление субсидий и гарантий под кредиты, софинансирование при строительстве базовой инфраструктуры, оказание консалтинговых услуг. Наш анализ архивных документов исполнительной и законодательной власти в Амурском области и Приморском крае за 1990-е и первую половину 2000-х гг. показал, что во внешнеэкономической сфере регионов такие меры системно никогда не применялись [ГААО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 5617—5618; Оп. 2. Д. 5627, 5628, 5655, 5656, 5684, 5685, 5718, 5719, 5720, 5757, 5792, 5838; Оп. 21. Д. 43—47; Р-81. Оп. 21. Д. 1115, 1114; ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 2, 6, 21, 39, 70, 84, 181, 200, 303, 321, 322, 421, 437, 438, 544, 563, 564, 676, 695, 696, 814, 832, 943, 962, 963, 1071, 1084, 1164; Оп. 4. Д. 50а, 64а, 66а, 261а, 233а, 235; 6]. Более того, внешняя торговля и привлечение иностранных инвестиций как объекты экономической политики в субъектах РФ фактически отсутствовали. В настоящее время местные администрации в условиях высокодотационных бюджетов ещё более ограничены в применении этих механизмов поддержки.

Меры административного регулирования — участие в квотировании иностранной рабочей силы, выдача лицензий на лесопользование, передача в аренду сельскохозяйственных земель и другие полномочия — могут временно стимулировать или ограничивать деятельность конкретных компаний или компаний определённого государства², но нам

² Например, в 2015 г. общее сокращение квоты на иностранную рабочую силу в Приморском крае не коснулось северокорейских трудовых мигрантов, хотя других работников из-за рубежа, в т.ч. из КНР, это изменение затронуло (Интервью. Представитель федерального органа государственной власти в Приморском крае. Владивосток, февраль 2015 г.).

не известны случаи их долгосрочного системного применения по отношению к компаниям с иностранными инвестициями.

В последнее десятилетие федеральное правительство пытается переложить на регионы ответственность за экономическое развитие страны, не перераспределяя на места финансовые и административные ресурсы [10, с. 10]. Бюрократию мобилизуют, усиливая политическое давление, в частности формируя систему показателей эффективности работы руководителей субъектов Федерации. Ни один из этих критериев напрямую не затрагивает внешнеэкономическую деятельность. Косвенно к таковым можно отнести объём инвестиций в основной капитал, объём налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ, оборот продукции, производимой малыми предприятиями [27]. Внешнеэкономические показатели также отсутствуют в официальной системе оценки деятельности руководства субъектов Федерации по созданию благоприятных условий для бизнеса [11]. В целом, внешнеэкономическая деятельность не является ключевым мерилем оценки деятельности региональной бюрократии, но т.к. внешняя торговля и иностранные инвестиции влияют на развитие экономики в целом, то руководство субъектов РФ должно проявлять активность в этом направлении.

Дальневосточная политика Москвы также стимулирует регионы к активизации международного сотрудничества. Исторически центральная власть, в зависимости от состояния государственных ресурсов, прибегала то к патронажу Дальнего Востока, установив контроль над кооперациями с другими странами, то, наоборот, к попыткам мобилизовать внутренний потенциал региона, нередко через хаотичные внешнеэкономические связи [9]. На рубеже 2000—2010-х гг., в связи с кризисными явлениями в российской экономике, действовала промежуточная стратегия, предполагающая развитие международных связей региона под контролем Москвы. В июле 2010 г. президент Д.А. Медведев раскритиковал руководителя Минрегиона В.Ф. Басаргина за его презентацию о перспективах модернизации Дальнего Востока, в которой не было «ни слова про развитие сотрудничества с АТР» [26].

Администрации выработали международные стратегии, повысили имидж своих регионов, сформировали списки приоритетных инвестиционных проектов и опубликовали их на официальных сайтах регионов (иногда и на китайском языке) [5]. В результате проведённой работы, например, в Приморском крае, достигнувшем высоких результатов в этом направлении, за последние три года появились: АНО «Центр развития экспорта Приморского края», Инвестиционное Агентство Приморского края, ОАО «Корпорация развития Приморского края», Совет по привлечению инвестиций в экономику Приморского края при Губернаторе Приморского края, Общественный экспертный совет по привлечению инвестиций в Приморский край, Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов в Дальневосточном федеральном округе, Общественный экспертный совет по привлечению инвестиций в Приморский край.

Количество организаций впечатляет. Их перечень, обычно в усечённом виде, дублируется в других тихоокеанских регионах³. В Приморье, как и на других дальневосточных территориях, введён режим «одного окна» для инвесторов: АНО «Инвестиционное агентство Приморского края» на бесплатной основе оказывает широкий спектр информационных и консалтинговых услуг, а на платной — делает всю организационную, юридическую, рекламную работу по продвижению инвестиционного проекта [13].

Вышеуказанные меры формально свидетельствуют о решимости региональных администраций привлекать иностранные инвестиции и развивать экспортоориентированные производства. Но, как сказано выше, это достигнуто благодаря политической мобилизации. Смогут ли вновь созданные организации и институты выйти за рамки бюрократической логики следования указаниям Москвы? Прошло слишком мало времени, чтобы можно было ответить однозначно на этот вопрос.

ВЗГЛЯДЫ МЕСТНЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА НА РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С КНР

Все региональные администрации Тихоокеанской России⁴ в программах регионального развития⁵ указывают близость к рынкам стран АТР, и, в частности КНР, как основное преимущество дальнейшей модернизации. Разница заключается лишь в степени готовности края или области ориентироваться на Китай. Географическое положение региона в данном случае играет определяющую роль.

Континентальные Забайкалье, Приамурье и Еврейская автономная область указывают китайское направление сотрудничества в качестве основного. Власти Амурской области, отмечая своё выгодное геополитическое положение, утверждают, что Благовещенск является «...воротами России в Китай и страны Юго-Восточной Азии» [15]. Забайкальский край считает своим важным преимуществом «...выгодное геополитическое, приграничное расположение края с постоянно растущим потенциалом „китайского фактора“» [2]. Многочисленные отсылки к Китаю в стратегии развития ЕАО говорят, что её разработчики в принципе не видят будущей модернизации региона без КНР.

Вторая, «приморская» группа регионов — Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Сахалинская и Магаданская области вместе с Якутией,

³ Тенденция создания агентств развития, затрагивающих различные аспекты региональной экономики, имеет общероссийский характер. См.: [12].

⁴ Так как в открытом доступе нет стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа, мы не учитывали этот регион в разделе о политике региональных администраций в отношении КНР.

⁵ Мы, безусловно, учитываем, что стратегии, схемы и программы развития регионов за редким исключением разрабатываются не властями, а «экспертами». Власти лишь санкционируют их и тем самым соглашаются с тезисами, которые заложены в этих документах.

отрезанной от Китая и Тихого океана, — в той или иной степени ориентируются на весь АТР, не называя какую-либо страну важнейшим партнёром. Например, основной задачей властей Приморья на среднесрочную перспективу является «...оптимальное размещение экономики на территории Приморского края, обеспечивающее запуск её бездотационного роста и возможность интеграции с экономиками приграничных провинций стран Северо-Восточной Азии» [14]. Её выполнение, по мнению приморского руководства, должно базироваться в первую очередь на «...позиционировании Приморского края центром интеграции России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в т.ч. посредством усиления коммуникации и кооперации Приморского края с экономиками западных провинций Японии, Республики Корея, восточных провинций КНР и других стран АТР» [14].

Мнения региональных администраций достаточно сильно разнятся в вопросах преимуществ, заложенных в близости к Китаю и возможных сотрудничества с ним (Табл. 1). Например, Приморье ждёт от Китая одновременно рабочую силу и инвестиции. Инновационный сценарий развития Забайкальского края предполагал создание Российско-китайского научно-исследовательского центра, который должен был стать важнейшим мероприятием краевого правительства в области инноваций до 2014 г. [2]. К началу 2015 г. такой центр «нового китаеведения», как его в дальнейшем назвало руководство края, так и не создали, хотя власти Забайкалья его по-прежнему активно продвигают [4].

Чаще всего дальневосточные власти видят в близости к Китаю одновременно и риски, и возможности. Чёткую границу между ними иногда просто невозможно провести. Например, КНР может рассматриваться препятствием на пути индустриализации дальневосточных регионов, но одновременно — инвестиционным донором местной промышленности. Власти приграничных с Китаем территорий считают, что такое соседство даёт возможность развивать транзитный потенциал, но одновременно, по мнению администраций двух наиболее развитых регионов Дальнего Востока, это несёт в себе политические и геополитические риски (Табл. 1).

Набор рисков, связанных с близостью к КНР, сильно размыт (Табл. 1). Две дальневосточные администрации уверены, что китайские власти стремятся включить регион в зону своих экономических интересов. Для многих дальневосточных властей КНР — это конкурент в деле привлечения инвестиций, развития промышленности, транспортных перевозок и сельского хозяйства. Другие угрозы представляют избыточная миграция и загрязнение окружающей среды Дальнего Востока.

Вся сложность и вариативность представлений региональных властей Дальнего Востока о Китае отражена в стратегии развития Еврейской автономной области до 2020 г. В ней, например, указывается, что «получение доступа к природным ресурсам Сибири и Дальнего Востока Китай рассматривает как стратегическую задачу», что «китайским предпринимателям напрямую рекомендуется (китайскими властями — *прим. С.И.*)

Таблица 1

**Представления региональных администраций о Китае
как факторе регионального развития**

Регион	КНР как источник возможностей	КНР как источник рисков/угроз
Приморский край	<ul style="list-style-type: none"> - Источник дешёвой рабочей силы - Потребитель природных ресурсов - Источник инвестиций - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края 	<ul style="list-style-type: none"> - Источник политических рисков (особенно в случае превращения Приморья в транзитную зону для китайских товаров) - Препятствие для индустриализации края
Сахалинская область	<ul style="list-style-type: none"> - Потребитель природных ресурсов 	
Хабаровский край	<ul style="list-style-type: none"> - Потребитель природных ресурсов и электроэнергии - Потенциальный потребитель промышленной продукции 	<ul style="list-style-type: none"> - Конкурент в области транспортных перевозок - Источник геополитических рисков (особенно в случае увлечения китайского транзита и экспорта в Китай российских энергоносителей)
Забайкальский край	<ul style="list-style-type: none"> - Источник инвестиций в промышленность - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края - Источник инновационного развития края - Близость к Китаю позволяет реализовать туристический потенциал края 	
Амурская область	<ul style="list-style-type: none"> - Источник инновационного развития края - Потребитель электроэнергии - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края - Потенциальный потребитель экспортноориентированной продукции области - Источник современных технологий, оборудования, инвестиций для развития новых производств 	<ul style="list-style-type: none"> - Конкурент с более льготными условиями для инвесторов - Конкурент в области сельского хозяйства - Источник угрозы вытесняющей миграции за счёт притока граждан КНР
Якутия	<ul style="list-style-type: none"> - Потребитель природных ресурсов и электроэнергии - Потенциальный потребитель промышленной продукции 	

	<ul style="list-style-type: none"> - Источник дешёвой рабочей силы - Источник инвестиций - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края - Источник инвестиций в сырьевые отрасли области - Потенциальный потребитель воды области - Близость к Китаю позволяет реализовать туристический потенциал края - Привлекательный партнёр для налаживания производственной кооперации 	<ul style="list-style-type: none"> - Конкурент в области туризма - Источник угрозы экологической безопасности региона - Источник угрозы избыточной, вытесняющей миграции на территорию Дальнего Востока - КНР проводит политику на: 1) поощрение ввоза сырья и продукции с низкой степенью переработки, 2) вывоз своей промышленной продукции, 3) трудоустройство за рубежом низкоквалифицированных кадров, 4) аренду российских пахотных земель, 5) максимальное снижение барьеров для вывоза в область товаров и людей - Источник угрозы нелегального освоения лесных ресурсов области - Источник угрозы применения китайскими трудовыми мигрантами земельных технологий, приводящих к полному истощению земель - Источник угрозы снижения транзита грузов через территорию области из-за развития Китаем альтернативных транспортных путей из Азии в Европу - Источник угрозы снижения качества жизни населения в силу конкуренции с китайскими мигрантами и ухудшения экологии - Источник угрозы продовольственной безопасности
Магаданская область	<ul style="list-style-type: none"> - Источник инвестиций 	<ul style="list-style-type: none"> - Китай — это государство, осуществляющее программу по включению Дальнего Востока в сферу своих «реальных жизненных интересов» (схожие упоминания касаются Японии и Южной Кореи) - Источник угрозы захвата китайскими компаниями строительного рынка России
Камчатский край	<ul style="list-style-type: none"> - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края - Близость к Китаю позволяет реализовать туристический потенциал края 	

Составлено по: [2; 3; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].

подкупать российских чиновников на местах» для входа на российский рынок, что «долгосрочная аренда российских сельскохозяйственных земель может также использоваться как инструмент для расширения китайского присутствия на рынке рабочей силы области и расширения объёмов миграции граждан КНР на территорию РФ», но одновременно без взаимодействия с КНР региональное развитие невозможно [16]. В стратегии не обозначается, насколько выгоды и угрозы значительны и реальны. Цель этих официальных репрезентаций не создать чёткую систему использования возможностей и отражения рисков соседства с КНР, а показать в какой сложной геополитической и геоэкономической ситуации приходится работать дальневосточным чиновникам, призвать Москву к стратегическому мышлению (которое должно вылиться только в одно — финансовые вливания), свойственному китайским властям.

Какие бы ни были представления региональных властей о Китае и перспективах сотрудничества, они не переходят в плоскость реальных действий. В регионах Дальнего Востока за последнее десятилетие не был принят ни один закон или административный акт, поощряющий или ограничивающий деятельность китайских трудовых мигрантов, компаний или других организаций, а также российских компаний, развивающих экономические связи с Китаем [6]. Постановления губернаторов и приказы департаментов касаются только оперативных мероприятий: организации встреч и визитов, создания комиссий по проверке экологической обстановки на границе, проведения мер, связанных с выполнением межгосударственных договорённостей РФ и КНР.

КАНАЛЫ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

У дальневосточных администраций сложились устойчивые каналы взаимодействия только с Северо-Восточным Китаем. Эта особенность характерна для всех регионов, независимо от наличия прямого выхода в Тихий океан, гипотетически дающего возможность развивать связи с восточными провинциями. Можно выделить три канала политико-административных связей Дальнего Востока РФ с регионами северо-востока КНР: двусторонние контакты, постоянно действующие многосторонние институты сотрудничества и международные форумы.

Двусторонние контакты регионов Тихоокеанской России имеют постоянную основу в основном с пров. Хэйлунцзян. Помимо этого, с пров. Цзилинь взаимодействует в основном Приморский край, с Внутренней Монголией — Забайкальский край. По мнению властей пров. Хэйлунцзян, они создали систему регулярных встреч с приграничными регионами РФ, что в дальнейшем будет способствовать формированию восточного Шёлкового пути [31]. Между парами приграничных регионов, не имеющих выхода к морю — Амурской областью и Хэйлунцзяном, Амурской областью и г. Хэйхэ, Забайкальским краем и Автономным районом Внутренняя

Монголия, Забайкальским краем и г. Маньчжурией — сформированы совместные рабочие/координационные группы правительств, которые решают вопросы грузоперевозок или реализации двухсторонних договорённостей, прежде всего в торгово-экономической сфере. Все граничащие с КНР континентальные регионы Дальнего Востока имеют очень тесные контакты не с провинциями, а с соседними городскими округами.

Многосторонние институты сотрудничества Дальнего Востока с северо-восточными провинциями в настоящее время представлены Расширенной Туманганской инициативой (РТИ), Российско-Китайским Координационным Советом по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству (КС), Постоянной рабочей группой по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству Подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая (ПРГ), Ассоциацией региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА).

РТИ стала наследницей проекта «Туманган», который возник в начале 1990-х гг. в целях формирования особой экономической зоны на границе РФ, КНР и КНДР. В настоящее время эта организация является площадкой для проведения правительственных и экспертных обсуждений интеграционных инициатив в сфере транспорта, логистики, энергетики, финансов на территории Северо-Восточного Китая, Приморского края РФ и восточной части Монголии. Этот проект фактически важен лишь Китаю, в частности, пров. Цзилинь [30], российская же сторона не проявляет к нему интереса [1, с. 92] и участвует в нём, скорее всего, в силу бюрократической инерции. В 2011 г. в рамках этой организации был создан Комитет местного сотрудничества РТИ в Северо-Восточной Азии, в который вошли Приморский край, северо-восточные провинции Китая, территории Южной Кореи, Японии и Монголии.

В АРАССВА входят большинство регионов Дальнего Востока и Сибири, северо-восточные и центральные провинции Китая, а также регионы других стран СВА. Цели организации — «внести совместный вклад в развитие региона Северо-Восточной Азии, установление мира во всём мире путём создания механизмов обмена и сотрудничества между региональными администрациями» [28]. Её деятельность в основном ограничивается обменом опытом и информацией и обсуждениями перспектив и проблем реализации совместных проектов на заседаниях представителей региональных администраций.

Два двусторонних формата сотрудничества дальневосточных регионов с северо-восточными провинциями Китая — ПРГ и КС — появились соответственно в 1997 и 1998 г. в результате централизации повестки российско-китайского сотрудничества. В этих структурах обсуждаются вопросы, касающиеся торгово-экономического взаимодействия регионов Дальнего Востока и Забайкалья России с Северо-Востоком Китая. Отличаются ПРГ и КС политическим представительством и направленностью

работы. КС контролируется непосредственно региональными администрациями, её деятельность направлена на обмен информацией и опытом между участниками, разработку рекомендаций для центральных властей двух стран. ПРГ функционирует под руководством центральных властей (заседания возглавляют заместители министров) с участием местным администраций. Его основной задачей является выработка предложений для российско-китайских переговоров на высшем уровне.

Позиции властей Дальнего Востока и северо-восточных провинций Китая в двустороннем сотрудничестве отчётливо показывают последние протоколы встреч в рамках КС. Китайская сторона по-прежнему настаивает на большей прозрачности российских границ, увеличении количества пунктов пропуска, устранении таможенных барьеров и т.д., а российская делает упор на привлечение китайских инвестиций и расширение своего экспорта [22]. Эффективность работы организаций достаточно сложно оценить. На сайте российского координатора КС указано: «За прошедшие годы с момента создания... товарооборот между территориями Дальнего Востока и Забайкалья и Северо-Восточными провинциями КНР вырос в два раза, принят ряд мер по совершенствованию законодательной базы приграничного сотрудничества» [23]. Однако если определённая унификация законодательства на самом деле являлась прямым следствием деятельности КС, то непосредственную связь между товарооборотом и работой органа вряд ли можно провести. Информация о конкретной работе ПРГ, к сожалению, последние семь лет недоступна.

Другим форматом взаимодействия властей дальневосточных регионов и китайских северо-восточных провинций являются международные форумы. Все они позиционируются в качестве площадок для интеграции своих регионов в СВА или АТР.

На китайской стороне самым массовым и влиятельным мероприятием такого формата является Харбинская торгово-экономическая ярмарка (ХТЭЯ). С 2014 г. она трансформировалась в Российско-Китайское Экспо и сейчас является главной выставочной площадкой в экономическом сотрудничестве двух стран⁶. Ещё в начале 1990-х гг. ХТЭЯ позиционировалась как площадка для развития приграничного сотрудничества, однако в дальнейшем несколько раз меняла свой географический охват и в последние годы всё больше ориентируется на СВА. ХТЭЯ фактически стала крупнейшим мероприятием на территории Дальнего Востока и Северо-Востока Китая, на котором региональные бизнесмены и политики могут обсудить экономические вопросы взаимодействия. Её успех объясняется найденным балансом между политической и экономической составляющими. Её политическую силу доказывают регулярные поездки руководителей дальневосточных регионов. К тому же, например, три из семи

⁶ С 2016 г. Российско-Китайское Экспо будет проводиться поочерёдно в России и Китае. При этом в Китае место проведения останется неизменным — г. Харбин. ХТЭЯ не исчезла: её планируют проводить отдельно в Харбине, когда Экспо переедет в РФ.

международных соглашений пров. Хэйлунцзян с дальневосточными регионами были подписаны в рамках ХТЭЯ (Табл. 2).

Экспо «Китай — Северо-Восточная Азия»⁷ в Чанчуне интересно лишь Приморскому краю, т.к. фактически направлено на реализацию современных «туманганских» инициатив.

Среди дальневосточных форумов, появившихся только во второй половине 2000-х гг., наиболее успешным был Дальневосточный международный экономический форум, проводимый в Хабаровске до 2011 г. Он пользовался поддержкой Москвы и ориентировался на неё⁸, хотя и привлекал многочисленные китайские делегации, состоявшие в основном из чиновников и бизнесменов пров. Хэйлунцзян. Тихоокеанский экономический конгресс во Владивостоке и другие, менее значимые региональные мероприятия, также были ориентированы на Москву или замыкались на конкретный регион (остальные дальневосточные регионы были слабо представлены на них) и лишь изредка привлекали внимание региональных властей Китая⁹.

В 2010-е гг. поворот РФ на Восток изменил концепцию и формат международных форумов, проводимых в дальневосточных регионах России. После саммита АТЭС во Владивостоке центральная власть обязалась ежегодно проводить единый для всех дальневосточных регионов Восточный экономический форум (ВЭФ). В 2015 г. он прошёл в первый раз. Его цель фактически повторяет цель новых федеральных программ развития Дальнего Востока — «позиционирование Дальнего Востока России как образца новой модели развития, направленного на более активную интеграцию России в АТР» [21]. Мероприятие организуется центральным правительством и изначально представляется Москвой как экономическое, поэтому вряд ли ВЭФ станет драйвером политико-административных контактов ТР с КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом в настоящее время региональные администрации лишены возможностей стать влиятельным игроком в деле экономической интеграции российского Дальнего Востока с Китаем. В их арсенале существует небольшой ряд полномочий, которые могут быть задействованы

⁷ До 2014 г. Экспо «Китай — Северо-Восточная Азия» называлось Цзилиньской торгово-инвестиционной ярмаркой стран Северо-Восточной Азии.

⁸ Эта специфика отчётливо проявляется в девизах форума: в 2006—2007 гг. — «Через развитие Сибири и Дальнего Востока — к модернизации страны», в 2008 г. — «Стратегия 2020: региональное измерение», в 2009 г. — «Стратегия развития Востока России: антикризисные ориентиры и новые подходы», в 2010 г. — «Дальневосточные приоритеты в Стратегии 2020».

⁹ Малочисленные китайские делегации на заседаниях Тихоокеанского экономического конгресса подтверждают его непопулярность у чиновников СВК. Лишь в 2013 г., когда ТЭК трансформировался в Дальневосточный инвестиционный конгресс и заручился поддержкой Москвы, в его заседании приняла участие внушительная делегация из Хэйлунцзяна.

для активизации внешнеэкономического сектора региона, но в условиях дефицитных бюджетов их применение нерационально. Существующие меры поддержки экономики в регионах не дифференцируют бизнес по государственной принадлежности, поэтому китайский инвестор не является ни объектом системных преференций, ни объектом системной дискриминации.

Взгляды дальневосточных администраций на сотрудничество с Китаем крайне разнообразны и непоследовательны. Консенсус существует только в представлении о важности соседства КНР для будущего регионов. В официальных концепциях дальневосточных администраций отсутствуют конкретные меры, которые они готовы предпринять для привлечения китайского инвестора или развития конкретной отрасли, ориентированной на экспорт в Китай. Ни у одного региона нет развёрнутой программы действий по сотрудничеству со странами АТР или конкретно с КНР, хотя подобная стратегия в отношении России есть, например, у пров. Хэйлунцзян. Китайский опыт не обязательно копировать, но, очевидно, что системная политика в отношении китайских и любых других иностранных партнёров не может сформироваться в хаосе подходов к международному взаимодействию.

Самая большая проблема политико-административных контактов дальневосточных регионов заключается в невозможности оценить их экономическую эффективность. В отличие от диалога на высшем уровне, который нередко сопровождается обсуждением масштабных экономических проектов и подписанием сделок между крупными компаниями, межрегиональные политико-административные связи не характеризуются насыщенной экономической повесткой.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гулидов Р.В. Проект «Туманган»: вымысел и реальность // *Пространственная экономика*. 2012. № 1. С. 90—108.
2. Закон Забайкальского края от 25 ноября 2009 г. № 295-33К «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010—2014 годы» // *BASE.GARANT.RU*: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/19918361/> (дата обращения: 05.07.2015).
3. Закон Магаданской области от 11 марта 2010 г. № 1241-03 «О стратегии социального и экономического развития Магаданской области на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // *BASE.GARANT.RU*: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/26932646> (дата обращения: 05.07.2015).
4. Ильковский К., Жданова Н. Сон в красном тереме, или новое китаеведение // *NI.GLOBALAFFAIRS.RU*: Национальный интерес. Специальный проект журнала «Россия в глобальной политике». URL: <http://ni.globalaffairs.ru/son-v-krasnom-tereme-ili-novoe-kitaevedenie/> (дата обращения: 04.05.2015).

5. Каталог инвестиционных проектов Приморского края Российской Федерации // INVEST.PRIMORSKY.RU: инвестиционный портал Приморского края. URL: http://www.invest.primorsky.ru/images/textdoc/Invest_Guide.pdf (дата обращения: 14.04.2015).
6. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
7. Маммен А. Заявка Путина на власть: конец российского федерализма? // Полис. 2000. № 5. С. 70—80.
8. Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7—28.
9. Минакир П.А. Региональные стратегии и имперские амбиции // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 7—11.
10. Оценка эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и глав субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности по итогам 2014 года // ECONOMY.GOV.RU: сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/00b18a39-7c48-4f5c-a5c8-01aea75d1e91/ddock251.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=00b18a39-7c48-4f5c-a5c8-01aea75d1e91> (дата обращения: 05.02.2016).
11. Полтерович В.М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. 2011. № 11. С. 17—29.
12. Порядок взаимодействия с инвесторами по принципу «одного окна» // INVEST.PRIMORSKY.RU: инвестиционный портал Приморского края. URL: http://invest.primorsky.ru/images/TextDoc/Kadri/order_single_window.pdf (дата обращения: 14.04.2015).
13. Постановление Администрации Приморского края от 7 декабря 2012 г. № 382-па «Об утверждении государственной программы Приморского края „Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края“ на 2013—2017 годы» // BASE.GARANT.RU: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/30163950/> (дата обращения: 05.07.2015).
14. Постановление Правительства Амурской области от 25 сентября 2013 г. N 445 «Об утверждении государственной программы „Экономическое развитие и инновационная экономика Амурской области на период 2014—2020 годы“» // BASE.GARANT.RU: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/24122677/> (дата обращения: 05.07.2015).
15. Постановление Правительства Еврейской автономной области от 20 марта 2012 г. № 118-пп «О Стратегии социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2020 года» // BASE.GARANT.RU: система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/22331824/> (дата обращения: 05.07.2015).
16. Постановление Правительства Камчатского края от 27 июля 2010 г. № 332-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Камчатского края до 2025 года» // BASE.GARANT.RU: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/25912471> (дата обращения: 04.05.2015).
17. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 6 сентября 2006 г. N 411 «О Схеме комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года» (с изменениями и дополнениями) // BASE.GARANT.RU: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/26719496> (дата обращения: 05.07.2015).
18. Постановление Правительства Сахалинской области от 28 марта 2011 г. № 99 «О Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // BASE.GARANT.RU: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/31756095> (дата обращения: 05.07.2015).

19. Постановление Правительства Хабаровского края от 13 января 2009 г. № 1-пр «О Стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // BASE.GARANT.RU: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/25554777> (дата обращения: 05.07.2015).
20. Пояснительная записка к проекту указа Президента Российской Федерации «О проведении Восточного экономического форума в г. Владивостоке в сентябре 2015 года» // REGULATION.GOV.RU: федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: http://regulation.gov.ru/get.php?view_id=12&doc_id=45653 (дата обращения 12.11.2015).
21. Протокол 14-го заседания Российско-Китайского Координационного совета по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству. Якутск, 23.08.2013 // ASSOC.KHV.GOV.RU: сайт Межрегиональной ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье». URL: <http://assoc.khv.gov.ru/files/docs/2015/03a09178b95465c0dde6.pdf> (дата обращения: 15.01.2016).
22. Региональное законодательство. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/review/reg/> (дата обращения: 17.01.2016).
23. Российско-Китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству. Общие сведения // ASSOC.KHV.GOV.RU: сайт Межрегиональной ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье». URL: <http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/asia-pacific-cooperation/522> (дата обращения: 16.06.2015).
24. Савченко А.Е., Иванов С.А. Эффективность государства как проблема новейшей истории России и Китая: сравнительный анализ // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 155—165.
25. Санакоев С. От поставок сырья — к экспорту высоких технологий // Деловой Китай. Т. VIII. М.: 2005. URL: <http://polpred.com/free/china/book.pdf> (дата обращения: 29.03.2016).
26. Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // KREMLIN.RU: сайт администрации Президента РФ. 02.07.2010. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8234> (дата обращения: 05.11.2015).
27. Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // KREMLIN.RU: сайт администрации Президента РФ. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201208230005.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).
28. Устав Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии // NEARGOV.ORG: сайт Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии. URL: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2828& (дата обращения: 04.11.2015).
29. Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // BASE.GARANT.RU: система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/179963> (дата обращения: 07.03.2016).
30. Freeman C.P. Neighborly Relations: the Tumen development project and China's security strategy // Journal of Contemporary China. 2010. Vol. 19. No 63. P. 137—157.
31. 黑龙江：倾力构建东部陆海丝绸之路经济带——访黑龙江省委书记、省人大常委会主任王宪魁 = Хэйлунцзян работает над созданием экономического пояса восточного Шёлкового пути по суше и морю. Интервью с секретарём парткома, председателем Постоянного комитета Собрания Народных Представителей провинции Хэйлунцзян Вян Сяньвэйем // Жэньминь Жибао. 06.11.2014. С. 21.
32. ГААО (Гос. арх. Амурской обл.).
33. ГАПК (Гос. арх. Приморского кр.).

REFERENCES

1. Gulidov R.V. Proekt "Tumangan": vymysel i realnost [Project "Tumangang": facts and fiction]. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2012, no. 1, pp. 90—108. (In Russ.)
2. *Zakon Zabaikalskogo kraya ot 25 noyabrya 2009 g. № 295-zzk "O strategicheskikh napravleniyakh razvitiya zabaikalskogo kraya na period do 2025 goda i programme sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya zabaikalskogo kraya na 2010—2014 gody"* [The Zabaikalsky Territory act of November 25, 2009, No. 295-33K "On strategic directions of the development of the Zabaikalsky Territory for the period until 2025 and a program of economic and social development of the Zabaikalsky Territory for 2010—2014"]. Available at: <http://base.garant.ru/19918361> (accessed 05.07.2015). (In Russ.)
3. *Zakon Magadanskoj oblasti ot 11 marta 2010 g. № 1241-OZ "O strategii sotsialnogo i ekonomicheskogo razvitiya Magadanskoj oblasti na period do 2025 goda" (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [The Magadan Region act of March 11, 2010, No. 1241-03 "On a strategy of economic and social development of the Magadan Region for the period until 2025 (revised and expanded)]. Available at: <http://base.garant.ru/26932646> (accessed 05.07.2015). (In Russ.)
4. Ilkovskiy K., Zhdanova N. *Son v krasnom tereme, ili novoe kitaevedenie* [The Dream of the Red Chamber or new Chinese studies]. Available at: <http://ni.globalaffairs.ru/son-v-krasnom-tereme-ili-novoe-kitaevedenie/> (accessed 04.05.2015). (In Russ.)
5. *Katalog investitsionnykh proektov Primorskogo kraya Rossiyskoy Federatsii* [A catalogue of capital investment projects of the Primorye Region of the Russian Federation]. Available at: http://www.invest.primorsky.ru/images/textdoc/Invest_Guide.pdf (accessed 14.04.15). (In Russ.)
6. Larin V.L. *V teni prosnuvshegosya drakona. Rossiysko-kitayskie otnosheniya na rubezhe XX—XXI vekov* [In the shadow of the awoken dragon: Russian-Chinese relations at the turn of the twentieth and twenty-first centuries]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2006, 424 p. (In Russ.)
7. Mammen A. Zayavka Putina na vlast': konets rossiyskogo federalizma? [Putin's claim for power: the end of Russian federalism?]. *Polis*, 2000, no. 5, pp. 70—80. (In Russ.)
8. Minakir P.A. O kontseptsii dolgosrochnogo razvitiya ekonomiki makroregiona: Dal'niy Vostok [A concept of long-term economic development of the macroregion: the Far East]. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2012, no. 1, pp. 7—28. (In Russ.)
9. Minakir P.A. Regionalnyie strategii i imperskie ambitsii [Regional strategies and imperial ambitions]. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2015, no. 4, pp. 7—11. (In Russ.)
10. *Otsenka effektivnosti deyatelnosti rukovoditeley federalnykh organov ispolnitelnoy vlasti i glav sub'ektov Rossiyskoy Federatsii po sozdaniyu blagopriyatnykh usloviy vedeniya predprinimatelskoy deyatelnosti po itogam 2014 goda* [Performance evaluation of the chiefs of federal executive authorities and the constituent entities of the Russian Federation for business facilitation according to the results of 2014]. Available at: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/00b18a39-7c48-4f5c-a5c8-01aea75d1e91/ddock251.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=00b18a39-7c48-4f5c-a5c8-01aea75d1e91> (accessed 05.02.2016). (In Russ.)
11. Polterovich V.M. Regionalnyie institutyi modernizatsii [Regional institutes of modernization]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 2011, no. 11, pp. 17—29. (In Russ.)
12. *Poryadok vzaimodeystviya s investorami po printsipu "odnogo okna"* [Coordination arrangements with investors on "one stop" principle]. Available at: http://invest.primorsky.ru/images/TextDoc/Kadri/order_single_window.pdf (accessed 14.04.2015). (In Russ.)

13. *Postanovlenie Administratsii Primorskogo kraya ot 7 dekabrya 2012 g. № 382-pa "Ob utverzhenii gosudarstvennoy programmy Primorskogo kraya 'Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika Primorskogo kraya' na 2013—2017 gody]"* [The decree of the administration of the Primorye Region of December 7, 2012, No. 382-pa "On the government program establishment of the Primorye Region 'Economic development and innovative economy of the Primorye Region' for 2013—2017"]. Available at: <http://base.garant.ru/30163950/> (accessed 05.07.2015). (In Russ.)
14. *Postanovlenie Pravitelstva Amurskoy oblasti ot 25 sentyabrya 2013 g. № 445 "Ob utverzhenii gosudarstvennoy programmy 'Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika Amurskoy oblasti na period 2014—2020 gody]"* [The government decree of the Amur Region of September 25, 2013, No. 445 "On the government program establishment 'The economic development and innovative economy of the Amur Region for 2014-2020'"]. Available at: <http://base.garant.ru/24122677> (accessed 05.07.2015). (In Russ.)
15. *Postanovlenie Pravitelstva Evreyskoy avtonomnoy oblasti ot 20 marta 2012 g. № 118-pp "O Strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Evreyskoy avtonomnoy oblasti na period do 2020 goda"* [The government decree of the Jewish Autonomous Region of March 20, 2012, № 118-pp "On the strategy of the social and economic development of the Jewish Autonomous Region for the period until 2020"]. Available at: <http://base.garant.ru/22331824/> (accessed 05.07.2015). (In Russ.)
16. *Postanovlenie Pravitelstva Kamchatskogo kraya ot 27 iyulya 2010 g. № 332-P "Ob utverzhenii Strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Kamchatskogo kraya do 2025 goda"* [The government decree of the Kamchatka Region of July 27, 2010, No. 332-P "On the strategy of the social and economic development of the Kamchatka Region until 2025"]. Available at: <http://base.garant.ru/25912471> (accessed 04.05.2015). (In Russ.)
17. *Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Saha (Yakutiya) ot 6 sentyabrya 2006 g. № 411 "O Sheme kompleksnogo razvitiya proizvoditelnykh sil, transporta i energetiki Respubliki Saha (Yakutiya) do 2020 goda" (s izmeneniyami i dopolneniyaми)* [The government decree of the Sakha Republic (Yakutia) of September 6, 2006, No. 411 "On the integrated development scheme of productive forces, transport, and energetics in the Sakha Republic (Yakutia) until 2020 (revised and expanded)]. Available at: <http://base.garant.ru/26719496> (accessed 05.07.2015). (In Russ.)
18. *Postanovlenie Pravitelstva Sakhalinskoi oblasti ot 28 marta 2011 g. № 99 "O Strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sakhalinskoi oblasti na period do 2025 goda"* [The government decree of the Sakhalin Region of March 28, 2011, No. 99 "On the strategy of the social and economic development of the Sakhalin Region for the period until 2025 (revised and expanded)]. Available at: <http://base.garant.ru/31756095> (accessed 05.07.2015). (In Russ.)
19. *Postanovlenie Pravitelstva Habarovskogo kraya ot 13 yanvarya 2009 g. № 1-pr "O Strategii sotsialnogo i ekonomicheskogo razvitiya Habarovskogo kraya na period do 2025 goda" (s izmeneniyami i dopolneniyaми)* [The government decree of the Khabarovsk Territory of January 13, 2009, № 1-pr "On the strategy of the social and economic development of the Khabarovsk Territory for the period until 2025 (revised and expanded)]. Available at: <http://base.garant.ru/25554777> (accessed 05.07.2015). (In Russ.)
20. *Poyasnitel'naya zapiska k proektu ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O provedenii Vostochnogo ekonomicheskogo foruma v g. Vladivostoke v sentyabre 2015 goda"* [An explanatory note to the project of the decree of the President of the Russian Federation "On holding Eastern Economic Forum in Vladivostok in September 2015"]. Available at: http://regulation.gov.ru/get.php?view_id=12&doc_id=45653 (accessed 12.11.2015). (In Russ.)

21. *Protokol 14-go zasedaniya Rossiysko-Kitayskogo Koordinatsionnogo soveta po mezhregionalnomu i prigranichnomu torgovo-ekonomicheskomu sotrudnichestvu* [The minutes of the 14th Russian-Chinese Coordination Council for transregional and cross-border cooperation. General information]. Yajutsk, 23.08.2013. Available at: <http://assoc.khv.gov.ru/files/docs/2015/03a09178b95465c0dde6.pdf> (accessed 15.01.2016). (In Russ.)
22. *Regional'noe zakonodatel'stvo* [State legislation]. Access from directory legal system "KonsultantPlus". Available at: <https://www.consultant.ru/law/review/reg/> (accessed 17.01.16). (In Russ.)
23. *Rossiysko-Kitayskiy Koordinatsionnyiy sovet po mezhregionalnomu i prigranichnomu sotrudnichestvu. Obschie svedeniya* [Sino-Russian Coordination Council on interregional and cross-border cooperation. General information]. Available at: <http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/asia-pacific-cooperation/522> (accessed 16.06.2015). (In Russ.)
24. Savchenko A.E., Ivanov S.A. *Effektivnost gosudarstva kak problema noveyshey istorii Rossii i Kitaya: sravnitelnyiy analiz* [State efficiency as a problem of contemporary history of Russia and China: a comparative analysis]. *Russiya i ATR*, 2012, no. 1, pp. 155—165. (In Russ.)
25. Sanakoev S. *Ot postavok syryya k — k eksportu vyisokih tekhnologiy* [From raw material supply to export of high technologies]. *Delovoy Kitay*, Moscow Publ., 2005, vol. VIII. URL: <http://polpred.com/free/china/book.pdf> (accessed 29.03.2016). (In Russ.)
26. *Stenograficheskiy otchyot o soveschaniy po sotsialno-ekonomicheskomu razvitiyu Dalnego Vostoka i sotrudnichestvu so stranami Aziatsko-Tihookeanskogo regiona* [A verbatim record of the meeting about the social and economic development of the Far East and cooperation with the countries of the Asia-Pacific Region]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8234> (accessed 05.11.2015). (In Russ.)
27. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 21.08.2012 g. № 1199 "Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti organov ispolnitelnoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii"* [The decree of the President of the Russian Federation of 21.08.2012 No. 1199 "On performance evaluation of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation"]. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201208230005.pdf> (accessed 12.01.2016). (In Russ.)
28. *Ustav Assotsiatsii regionalnykh administratsiy stran Severo-Vostochnoy Azii* [The charter of the association of regional authorities of the countries of Northeast Asia]. Available at: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2828& (accessed 04.11.2015). (In Russ.)
29. *Federalnyiy zakon ot 4 yanvarya 1999 g. № 4-FZ "O koordinatsii mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazey sub'ektov Rossiyskoy Federatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [The federal law of January 4, 1999, № 4-F3 "On coordination of international and foreign economic relations of the constituent entities of the Russian Federation (revised and expanded)]. Available at: <http://base.garant.ru/179963> (accessed 07.03.2016). (In Russ.)
30. Freeman C.P. *Neighborly Relations: the Tumen development project and China's security strategy*. *Journal of Contemporary China*, 2010, vol. 19, no. 63, pp. 137—157. (In Eng.)
31. Heilongjiang: qingli goujian dongbu lu hai sichou zhi lu jingjidai—fang Heilongjiang shengwei shuji, shengrenda zhuren Wang Xianwei [Heilongjiang Tries to Construct Eastern Silk Road Economic Belt. Interview with Wang Xianwei, Party Secretary of Heilongjiang Province, Chairman of the Standing Committee of the Heilongjiang People's Congress]. *Renmin Ribao*, 06.11.2014, p. 21. (In Chin.)